

Алхимия — опытно-магическая деятельность. *Великое деяние* бивалентно: оно — и действие, и священнодействие сразу¹⁸. (Рецепт *Рипли* дает почувствовать и эту особенность алхимической деятельности.) Если же теперь вновь вспомнить, что средневековая культура относительно самостоятельна и соответствует определенному категориальному строю средневекового мышления, можно сказать, что этот строй запечатлен в виде класса феноменов в алхимических трактатах высшего средневековья (XII—XV вв.) с особенной яркостью. Образ средневеково-алхимического мышления и есть «стиль» этого мышления. «Стиль» средневекового мышления — устойчивая «система», в которой взаимодействуют свойства этого мышления. Все они уже опознаны и выявлены в предшествующих главах.

И все же замечу — историческая реконструкция алхимии совпадет с исторической реконструкцией стиля средневекового мышления лишь в одном-единственном случае: если реальное *золото* в алхимии и «*золото души*» в христианстве и впрямь в одну цену¹⁹.

Но даже если тезис о тождественности алхимии средневековой культуре (а значит, и мышлению) признать бесспорным, то и тогда эта пара оказывается замкнутой самоё на себя. А это неизбежно свело бы исследование к шпенглеровскому феноменологизму, лишило бы возможности выходить за пределы, а тем самым не позволило бы понять главный наш предмет — алхимию, а вместе с нею и в ней европейскую средневековую культуру, стиль мышления этой культуры — в становлении и в разрушении. Принцип тождества исключает какой бы то ни было стимул к взаимодействию, а значит, и к развитию. Результат — в лучшем случае яркая статическая картина вместо живого динамического равновесия полнокровных реальностей, которые должны ожить и в современном сознании, решающем собственные проблемы.

А теперь, приняв во внимание «внесредневековые» представления об алхимии, алхимическом тексте, «вычитанные» не только из историографии, но и непосредственно из того же рецепта *Рипли*, из иных алхимических текстов, попробую обосновать иное представление об алхимии. Иначе говоря, выдвинуть, а потом и достроить противоположную точку зрения. Точку зрения, разрушающую образ алхимии, инвариантной средневековой культуре. Алхимическая деятельность древнее средневековой своей жизни. В ее основе лежит нечто, независимое от той культуры, с которой алхимия соприкоснулась, а соприкоснувшись, оставалась в ней жить. Не исключено, что алхимия стала своеобразной «модой» средневековья, определенной формой инокультурного модернизма. А если так, то, сама изменяясь в лоне средневековья, не оказала ли алхимия на средневековое мышление регулятивное влияние, направив это мышление по кана-

¹⁸ Но такое, однако, священнодействие, которое готово стать очень выгодным делом, то есть высокопробным *золотом*, словно добытым из утопической мечты.

¹⁹ Но так ли уж совпадает алхимическое *золото* рукотворных процедур с «*золотом души*» истового христианина?